

О. И. Беляев

ИЯз РАН, Москва

**КОРЕФЕРЕНТНОСТЬ В КОРРЕЛЯТИВАХ:
СВЯЗЫВАНИЕ ПЕРЕМЕННОЙ ИЛИ АНАФОРА?
(на материале осетинского языка)¹**

Коррелятивной конструкцией (КорК) принято называть одну из стратегий оформления относительных предложений (ОП), широко распространенную в языках мира. В отличие от канонических ОП, в КорК ИГ-антецедент и относительная клауза (ОтнК) не образуют составляющей. Наиболее полно КорК была изучена на материале индоарийских языков; ср. следующий пример из хинди [Srivastav 1991]:

- (1) [jo laRkii khaRii hai]
REL девушка стоящая есть
yo lambii hai
DEM высокий есть
'Та девушка, которая стоит, высокая'.

В КорК ОтнК, как правило, находится в самом начале предложения. Мишень выражена местоимением или именной группой, обычно содержащей в себе относительное или указательное местоимение, но в некоторых языках вообще специально не маркированной; антецедент (называемый в КорК коррелятом) может быть выражен или указательным местоимением, или полной ИГ, но эта ИГ, как правило, обязательно должна содержать в себе демонстратив.

Несмотря на то, что отличия КорК от канонических ОП видны невооруженным глазом, предпринималось немало попыток

¹ Исследование выполнено при поддержке ФФЛИ (проект № А-51), РФФИ (проект №11-06-00512-а) и Президиума РАН (программа «Корпусная лингвистика», проекты № 3.6 и 3.7). За данные осетинского языка я благодарен М. В. Дарчиевой, Ф. К. Агузаровой и Р. Х. Бесоловой. Кроме того, я благодарен Н. В. Сердобольской, М. А. Даниэлю и А. П. Выдрину за предварительное обсуждение некоторых из идей, содержащихся в данной работе. Все ошибки — на моей совести.

так или иначе связать КорК с более «стандартными» типами ОП. Так, весьма распространен анализ КорК, предложенный Р. Бхаттом [Bhatt 2003], в соответствии с которым считается, что ОтнК в КорК передвигается на левую периферию главной клаузы (ГК) из исходной позиции при корреляте. Похожие анализы предлагались и в рамках не-трансформационных подходов к синтаксису, через анафорическую или структурную связь ОтнК с адьюнктной позицией при ИГ-антецеденте [Butt et al. 2007].

В данной работе на материале иронского диалекта осетинского языка (иранская группа индоевропейских языков) будет предпринята попытка доказать, что большинство существующих подходов к синтаксису КорК имеют фундаментальный недостаток, который состоит в том, что КорК рассматривается как стратегия оформления ОП, стоящая в одном ряду с другими стратегиями релятивизации. На мой взгляд, КорК принципиальным образом отличается от канонических ОП, прежде всего, тем, что связывание в ней мишени и антецедента является не связыванием переменной (как в канонических ОтнП), а анафорой, носящей в данном случае обязательный характер. Такой подход к КорК естественным образом объясняет многие ее отличительные особенности (см. раздел 2).

1. Основные сведения о КорК в осетинском языке

Яркой отличительной особенностью осетинского языка является тот факт, что подавляющее большинство типов сложного предложения в нем маркируются при помощи КорК. К таким клаузам относятся собственно относительные предложения (рестриктивные), обстоятельственные придаточные времени, места, образа действия, условия и уступки, фактивные и событийные сентенциальные актанты [Belyaev, Serdobolskaya 2011]:

- (2) [Дидиндж-ыт-æ **цы** **чызг-æн** ба-лавар
 цветок-PL-NOM что девушка-DAT PV-подарок
 код-т-ай], фæд-т-он уый
 делать-TR-PST.2SG PV+видеть-TR-PST.1SG 3SG.DIST.GEN
 фыд-ы.
 отец-GEN
 ‘Я видел отца девушки, которой ты подарил цветы’.

- (3) [Дæ=ныхас=дын куы а-йхъуыст-он]
 POSS.2SG=речь=2SG.ENCL.DAT когда PV-слышать-PST.TR.1SG
 уæд ба-цин код-т-он
 тогда PV-радость делать-TR-PST.1SG
 ‘Когда я услышал твой голос, я обрадовался’.

Как видно из (2)–(3), в осетинских КорК относительное местоимение в большинстве случаев формально совпадает с соответствующим вопросительным словом и находится в предглагольной позиции (там же, где вопросительные слова); коррелят выражен именной группой, содержащей указательное местоимение, или указательным наречием.

Примеры (2)–(3) не только обладают поверхностным сходством, но представляют собой частные случаи одной и той же синтаксической конструкции. Приведу наиболее убедительный аргумент в пользу такого анализа, который состоит в том, что показатели различных типов зависимых клауз могут комбинироваться:

- (4) [Чи куыд хъал кæн-ы], афтæ аходæн
 кто как бодрый делать-PRS.3SG тогда завтрак
 кæны.
 делать-PRS.3SG
 ‘Когда кто просыпается, тогда и завтрак делает’.

Совместимость этих показателей в одной конструкции невозможно объяснить, если считать, что в осетинском языке ОП и «обстоятельственные» предложения мгновенного предшествования (*куыд* в данном случае значит ‘как только’) относятся к разным синтаксическим конструкциям.

2. Основные свойства КорК, указывающие на ее анафорический характер

2.1. Возможность опущения коррелята в позиции субъекта

Опущение коррелята в осетинских КорК возможно только в позиции субъекта:

- (5) [Уым чи лæуу-ы], *(уыд) æз уын-ын.
 там кто стоять-PRS.3SG DEM.DIST 1SG видеть-PRS.1SG
 ‘Я вижу того, кто там стоит’.

- (6) [Уым **чи** лæуу-ы], (уый) ме=мбал
там кто стоять-PRS.3SG 3SG.DIST POSS.1SG=друг
у.
быть.PRS.3SG
‘Тот, кто там стоит, — мой друг’.

Таким образом, поведение коррелята соответствует общим правилам осетинского языка, где *pro drop* свободно допускается только в позиции субъекта. Если бы *уый* в (6) являлось синтаксической вершиной ОП, мы бы не ожидали возможности его опущения. Так, в постпозитивных финитных ОП, также существующих в осетинском языке (хотя и довольно редких), опущение вершины невозможно ни в какой позиции.

2.2. Возможность использования двух «семантических вершин»

В осетинском языке в КорК лексически выраженное имя может присутствовать как в главной, так и в зависимой клаузе, или в обеих из них:

- (7) [Ды (**цы лæппу-йы**) / **кæй** фæд-т-ай],
2SG что мальчик-GEN кто.GEN PV+видеть-TR-PST.2SG
уый / (уыцы лæппу) ам ис.
3SG.DIST тот мальчик здесь EXST
‘Мальчик, которого ты видел, — здесь’.

Таким образом, оппозиция «внутривершинных ОП» vs. «ОП с внешней вершиной», центральная для общепринятой типологии ОП [Lehmann 1984], к КорК оказывается неприменимой. В то же время, в осетинском языке не только возможно «дублирование» вершины, но и использование в качестве вершин *разных* лексем:

- (8) [Уроч-ы **цы лæппу** хъæр-æй дзырд-т-а],
урок-IN что мальчик громкий-ABL говорить-TR-PST.3SG
уыцы фыдуадж-ы ба-фхæр-дзынæн!
тот шалун-GEN PV-наказать-FUT.1SG
‘Я накажу того шалуна, который громко разговаривал на уроке!’

Аналогичное явление наблюдается, к примеру, при топикализации во французском языке [De Cat 2007], которая является

типичным примером анафорической кореферентности (но не передвижения топика из исходной аргументной позиции). В то же время постпозитивные ОП в осетинском языке не допускают наличия семантической вершины в зависимой клаузе ни в каком виде, хотя формально они устроены совершенно так же, как ОтнК в КорК.

2.3. Ограничение на наличие нескольких ОтнК в начале предложения

В осетинском языке, как и в других языках, в которых имеется коррелятивная конструкция, использование нескольких относительных клауз, относящихся к разным коррелятам, в начале предложения невозможно:

- (9) **[Алагир-ы чи цар-ы], [Беслан-ы чи Алагир-IN кто жить-PRS.3SG Беслан-IN кто цар-ы], уыцы лæг уыцы лæг-имæ*
 жить-PRS.3SG тот мужчина тот мужчина-COMIT
фæ-хыл ис.
 PV-драка EXST
 Ожид.: ‘Мужчина, который живет в Алагире, подрался с женщиной, который живет в Беслане’.

Однако нетрудно показать, что это ограничение не связано с синтаксической позицией ОтнК, поскольку примеры с несколькими ОтнК, относящимися к одному и тому же корреляту, в осетинском допустимы:

- (10) *[Куы фæ-рвæз-он искуы*
 если PV-освободиться-SBJV.1SG когда-нибудь
мæ=хæс-т-æй], [мæ=цард-æн куы
 POSS.1SG=долг-PL-ABL POSS.1SG=жизнь-DAT если
фæ-уа йæ=фæндаг], фæ-лас=иу
 PV-быть.SBJV.3SG POSS.3SG=путь PV-отвозить[IMP.2SG]=FUT
уæд искай бæст-æй ме=стдж-ытæ
 тогда кто.нибудь.GEN страна-ABL POSS.1SG=кость-PL
хох-мæ, мæ=бæстаг.
 гора-ALL POSS.1SG=земляк
 ‘Если когда-нибудь избавлюсь от своих долгов, если кончится путь моей жизни, увези ты тогда мои кости из чужой земли в горы, мой земляк’. [Багаев 1982: 441]

Таким образом, строгого синтаксического запрета на несколько относительных клауз в начале предложения в осетинском языке нет. Недопустимость (9) связана с тем, что в подобных примерах обе коррелятивные клаузы «выбирают» в качестве своего коррелята одно и то же наиболее линейно близкое местоимение в главной клаузе. Это еще один пример характерной для КорК особенности, объясняемой семантико-прагматическими, а не собственно синтаксическими ограничениями.

2.4. «Согласование» коррелята по числу

На анафорический анализ осетинских КорК указывает также тот факт, что некоторые морфосинтаксические признаки коррелята не выводятся однозначно из свойств мишени или мишеней:

- (11) *На дзур-дзынаен, [цас адаем ар-амбырд*
 NEG говорить-FUT.1SG сколько люди PV-собрание
мард-маэ], [цас цассыг=ыл
 мертвый-ALL сколько слеза=3SG.ENCL.SUPER
фæ-калд-т-ой], [йæ=ингæн-ы уалхъус
 PV-лить-TR-PST.3PL POSS.3SG=могила-GEN около
цæйбæри зæрдæбын ныхæс-тæ фæ-код-т-ой],
 сколько сердечный слово-PL PV-делать-TR-PST.3PL
уыдæ-тт-ыл
 DEM.DIST.PL-ASSOC-SUPER

‘Не буду говорить о том, сколько народу пришло на похороны, сколько слез пролили о покойнике, сколько сердечных слов о нем было сказано’. [Багаев 1982: 440]

Множественное число коррелята в (11) можно было бы объяснить как достаточно необычный случай согласования коррелята с несколькими мишенями, если бы не тот факт, что форма *уыдæттыл* не просто является формой множественного числа указательного местоимения, но представляет собой особую ассоциативную форму со значением ‘те и им подобные’. Таким образом, в примере (11) число коррелята выбирается не синтаксически, а семантически. Единственный способ объяснить это явление — считать, что ОтнК не относится синтаксически к корреляту, а связь между мишенью и коррелятом обеспечивается при помощи анафорического связывания.

2.5. *Æмæ-инверсия*

Наконец, аргументом не столько за анафорический анализ КорК, сколько против ее анализа в терминах передвижения, является возможность следующих перифраз:

(12а) *Æз=æй* *æрмæст=дæр* [ды **куы**
 1SG=3SG.ENCL.ACC только=PTCL 2SG когда
 ‘рба-цыд-тæ], *уæд* *фед-т-он*.
 PV-идти-PRS.2SG тогда PV+видеть-TR-PST.1SG
 ‘Я увидел его только тогда, когда ты пришел’.

(12б) *Æз=æй* *æрмæст* *уæд*
 1SG=3SG.ENCL.ACC только тогда
фед-т-он, *æмæ* [ды **куы**
 PV+видеть-TR-PST.1SG и ты когда
 ‘рба-цыд-тæ].
 PV-идти-PST.INTR.2SG
 ‘Я увидел его только тогда, когда ты пришел’.

Как видно из (12), практически любое предложение с КорК можно переформулировать как сочетание ГК, союза *æмæ* ‘и’, и зависимой клаузы. При этом такие конструкции не являются собственно подчинительными: их свойства аналогичны свойствам «псевдосочинительных» придаточных с *æмæ* при глаголе *æнхъæл уæвын* ‘думать’ [Беляев 2010; Велуаев 2011]. Очевидно, что для примеров вроде (12б) анализ в терминах передвижения неприемлем, тогда как характер связи между мишенью и коррелятом в (12а) и (12б), насколько можно судить, одинаков.

3. Заключение

В разделе 2 было показано, что связь между мишенью и коррелятом в КорК является гораздо более слабой, чем связь между мишенью и антецедентом в канонических ОП. Кроме того, ограничение на количество ОтнК в начале предложения носит не синтаксический, а прагматический характер. Это говорит о том, что классический анализ ОтнК в КорК как адьюнкта к СР главной клаузы, предложенный в [Srivastav 1991], остается в силе, но коррелятивная клауза изначально порождается в этой позиции, а не передвигается в нее. Кроме того, кореферентность между мишенью

(или мишенями) и коррелятом правильнее описывать как анафорическое связывание. Единственное отличие от «обычной» анафоры состоит в том, что в данном случае кореферентность является обязательной, но в этом смысле КорК совсем не уникальна — достаточно вспомнить топиализацию в таких языках, как французский [De Cat 2007], а также контроль, который в некоторых теоретических парадигмах описывается как анафора [Bresnan 1982]. ИГ-мишень в таких случаях оказывается с семантической точкой зрения определенной именной группой. «Анафорический» подход к КорК хорошо соотносится с диахроническими данными о том, что такие конструкции развиваются либо из соположения двух независимых предложений, либо из топиализации [Givón 2009]. Важным теоретическим выводом является также то, что КорК существенно отличаются от канонических ОП и должны рассматриваться отдельно от последних, как особый синтаксический тип сложного предложения.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ГК — главная клауза; ИГ — именная группа; КорК — коррелятивная конструкция; ОП — относительное предложение; ОтнК — относительная клауза; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; ASSOC — ассоциативная множественность; COMIT — комитатив; DAT — дательный падеж; DEM — указательное местоимение; DIST — дальний дейксис; ENCL — энклитическое местоимение; EXST — экзистенциальная форма глагола 'быть'; FUT — будущее время; GEN — родительный падеж; IMP — императив; IN — инессив-иллатив; INTR — непереходность; NEG — отрицание; NOM — именительный падеж; PL — множественное число; POSS — притяжательное местоимение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — дискурсивная частица; PV — преверб; REL — показатель мишени релятивизации; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; SUPER — суперэссив-суперлатив; TR — показатель переходности глагола.

Литература

- Багаев 1982 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. 2. Синтаксис. Орджоникидзе: Ир, 1982.
- Беляев 2010 — О. И. Беляев. Сочинительные конструкции с асимметричной семантикой в осетинском языке // Е. В. Головкин и др. (ред.). Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте

- России. Тезисы докладов международной научной конференции, проходившей в Санкт-Петербурге 2–4 декабря 2010 г. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 7–9.
- Belyaev 2011 — O. Belyaev. Semantically asymmetrical coordinate clauses in Iron Ossetic // Paper presented at the Conference on Caucasian Languages. Leipzig, 13–15 May, 2011.
- Belyaev, Serdobolskaya 2011 — O. Belyaev, N. Serdobolskaya. Correlative clauses all across the syntax: subordination in Iron Ossetic // Paper presented at the Fourth International Conference on Iranian Linguistics (ICIL4). Uppsala, 17–19 June, 2011.
- Bhatt 2003 — R. Bhatt. Locality in correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory* 21, 2003. P. 485–541.
- Bresnan 1982 — J. Bresnan. Control and complementation // Bresnan J. (ed.). *The Mental Representation of Grammatical Relations*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982. P. 282–390.
- Butt et al. 2007 — M. Butt, T. H. King, S. Roth. Urdu Correlatives: Theoretical and Implementational Issues // M. Butt, T. H. King (eds.). *Proceedings of LFG07*. Stanford: CSLI Publications, 2007. P. 107–127.
- De Cat 2007 — C. De Cat. *French Dislocation: Interpretation, Syntax, Acquisition*. Oxford: OUP, 2007.
- Givón 2009 — T. Givón. *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Lehmann 1984 — C. Lehmann. *Der Relativsatz*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1984.
- Srivastav 1991 — V. Srivastav. The Syntax and Semantics of Correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory* 9, 4, 1991. P. 637–686.